

ликого Октября, проходившей в 1987 г. в Омске, предложении увеличить периодичность журнала до 12 номеров в год.

Т. Ю. Сем отметила незначительный объем публикуемых журналом материалов по Сибири и Дальнему Востоку, недостаточность информации о деятельности сибирских музеев, отсутствие публикаций преподавателей Педагогического института им. А. И. Герцена в Ленинграде, где ведется подготовка кадров для Дальневосточного и Сибирского регионов. Было высказано пожелание, чтобы журнал помещал публикации зарубежных авторов по проблемам Севера. Т. Ю. Сем подчеркнула, что этнография связана со многими смежными науками, но по смежным дисциплинам публикации в журнале редки.

Б. В. Иванов выразил удовлетворение сотрудничеством «Советской этнографии» и ГМЭ, отметив, что ни одна работа, посланная в журнал, не была возвращена как несостоятельная, и пожелал, чтобы дальнейшее сотрудничество было еще более активным.

Далее Б. В. Иванов высказал предложение, чтобы в состав редколлегии вошел представитель ГМЭ. Музей приравнен к научно-исследовательскому институту первой категории, поэтому участие его сотрудника в составе редколлегии представляется целесообразным.

Директор музея И. В. Дубов отметил, что «Советская этнография» выгодно отличается от других журналов тем, что в ней печатаются работы исследователей из различных регионов нашей страны, а не только из Москвы и Ленинграда. Он подчеркнул, что у музея должны быть более тесные связи с редакцией. Поступающие в журнал публикации пока носят спонтанный характер. ГМЭ — ведущий центр музейной работы — должен определять основные направления этнографического музееведения и иметь свой раздел в журнале. И. В. Дубов пожелал, чтобы такие встречи стали более регулярными, и не только с главным редактором, но и с другими членами редколлегии, а также с авторами наиболее интересных статей.

К. В. Чистов, отвечая на вопросы и выступления, заметил, что предложение об участии сотрудников ГМЭ в составе редколлегии журнала очень существенно, но редколлегия утверждает один раз в пять лет. Однако музей уже сейчас мог бы выделить в помощь редколлегии сотрудника, который способствовал бы своевременному отражению научной жизни музея в журнале с помощью статей, информации, сообщений. Пока эту функцию приходится выполнять редколлегии.

Отвечая на вопрос И. И. Шангиной, связанный с проведением дискуссий, К. В. Чистов выразил готовность редакции высылать ксерокопии дискуссионных статей для активизации участия в дискуссиях сотрудников ГМЭ. Наряду с этим К. В. Чистов призвал участников конференции к более активному сотрудничеству с журналом в освещении экспозиционной и выставочной работы не только ГМЭ, но и других музеев СССР и за рубежом, где работают сотрудники ГМЭ. Журнал не располагает штатом корреспондентов, и потому вся информация поступает от различных авторов — сотрудников Института этнографии, музеев, высших учебных заведений и др.

Говоря о неравномерно «представленных» региональных материалах в журнале, главный редактор отметил, что здесь многое зависит не столько от личных контактов членов редколлегии, сколько от личной инициативы на местах. Отвечая на пожелание видеть на страницах журнала больше публикаций из различных регионов страны, К. В. Чистов выразил сожаление, что республики неохотно откликаются на просьбы редакции, хотя в Армении, Грузии, Эстонии и других республиках имеются сильные научные школы и серьезные работы по этнографии, которые публикуются на национальных языках.

Сейчас в связи с оживлением культурной деятельности в стране и созданием Фонда культуры необходимо заняться вопросами краеведения 20—30-х годов. Что же касается освещения в журнале фондов музея, то журнал, конечно, не сможет печатать каталоги, но охотно опубликует сообщения об «уникальных предметах» или группе памятников. Коснувшись издания избранных статей из журналов, К. В. Чистов заметил, что основополагающие статьи, возможно, и стоит перепечатывать. Такой опыт уже есть.

Решением ЦК КПСС, продолжал К. В. Чистов, при Секции общественных наук создан Центр по изучению национальных отношений, редколлегия считает нужным ввести в журнале раздел, который мог бы отражать работу этого центра; для такого раздела желательны также сообщения с мест, в том числе и из ГМЭ.

Говоря об обзорах литературы, главный редактор отметил, что у журнала нет штатных рецензентов и обозревателей. Редколлегия ждет инициативы читателей, в том числе и сотрудников ГМЭ.

Л. Н. Молотова

СОВЕТСКО-ФИНСКИЙ СИМПОЗИУМ ПО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМ ПРОБЛЕМАМ

4—7 мая 1988 г. в Турку (Финляндия) состоялся X Советско-финский симпозиум по социально-экономическим проблемам. По сложившейся традиции в подобного рода симпозиумах принимает участие ограниченное число специалистов и собираются они поочередно в Финляндии и в Советском Союзе. Каждый раз для обсуждения намеча-

ются две основные темы, актуальные для ученых той и другой страны. Обычно на симпозиумах происходит не только обмен фактами, информацией о том или ином круге источников, но и обмен методическими идеями, результатами исследований.

Для симпозиума 1988 г. было намечено две темы, предопределившие и состав участников, и характер дискуссии, — «Традиционное хозяйство доиндустриального периода и природа» и «Миграции и методы их изучения». Обе темы, как следует из их формулировок, в равной степени близки и историкам, занимающимся социально-экономическими проблемами, и этнографам, изучающим хозяйственно-экологические проблемы и проблемы миграций, формирование населения определенных районов, их традиции и т. д. (миграции — это всегда перемещение не только людей, но и их культурно-бытовых традиций). Поэтому нельзя считать случайным, что в составе советской делегации были и этнографы (Э. Э. Эпик — Таллин, Л. А. Думпе — Рига, К. В. Чистов — Ленинград), и известные специалисты по проблемам миграций и исторической географии (Я. Е. Водарский, Р. Н. Пуллаг — Таллин, А. А. Эйднтаса — Вильнюс), и историки, совмещающие интерес к общим проблемам (Э. В. Тарвел — Таллин, В. Е. Возгрин и В. В. Лаппи — Ленинград). С финской стороны кроме историков (Ю. Лаппалайнен, П. Вирранкоски, Р. Керо, С. Юнгар, А. Юнтунен и др.) активное участие в симпозиуме приняли известные этнографы — И. Талве, М. Рясинен и др.

Первый день работы симпозиума, после официального обмена приветствиями (Ю. Лаппалайнен и Р. Н. Пуллаг), открылся докладом Э. В. Тарвела «Влияние природной среды на сельскохозяйственное производство в Эстонии в XIII—XVI вв.». Докладчик посвятил свое выступление критике упрощенных представлений о генезисе трехполья. Ссылаясь, в частности, на опыт польских историков, Э. В. Тарвел показал, что в Эстонии также длительное время сосуществовало двух- и трехполье, причем и того, и другого крестьяне придерживались не очень строго, поэтому применительно к этому периоду следует говорить об архаическом и неупорядоченном трехполье. Систематическое же трехполье начинает появляться, по мнению докладчика, не ранее XV в. Определенное влияние на этот процесс оказали как ливонские войны, так и системы налогообложения.

В докладах М. Торнберг (Турку) «Климат и развитие сельскохозяйственного производства в Финляндии», Э. Э. Эпик «Природная среда и сельскохозяйственное производство в Эстонии в XVIII в.» и Л. А. Думпе «Экологический фактор и традиционная хозяйственная деятельность в Прибалтике в XIX в.» обсуждалась роль различных факторов в формировании локальных экологических ситуаций (изменение климата, нарушение экологического равновесия в результате истощения лугов, высвобождения участков из-под моря, совершенствование системы удобрения почвы, прогресс сельскохозяйственной техники, социальные факторы и др.). Дискуссия по этим докладам показала, что даже для ограниченных в историческом отношении периодов трудно выделить какой-либо один из перечисленных факторов или даже их комплекс в качестве преобладающего.

В докладе В. Е. Возгрин «Связь между природой и производством на Русском Севере (XVI—XVIII вв.)» и Т. Мюллентаус «Использование природной энергии в доиндустриальной Финляндии» затрагивались интереснейшие проблемы сложного сочетания экофильных и экофобных традиций и навыков, характерных для архаического крестьянского хозяйства.

По докладам развернулась оживленная дискуссия, которая показала, однако, что принципиальных методических расхождений по большинству затронутых вопросов у финских и советских историков нет. Экологические проблемы в их историческом и современном значении привлекают все большее внимание ученых и в той, и в другой стране. Это дало возможность обсудить способы и средства совершенствования исследований, обмена важными фактами, которые могут считаться надежно установленными.

Формулировка тем докладов, круг источников, которые использовали докладчики, и способы их обработки и интерпретации продемонстрировали еще раз происходящее во многих странах заметное сближение историко-культурных, историко-социальных и этнографических исследований (ср. работы французской школы «Annales», скандинавско-западногерманской «Volkstraditionfixierungstheorie», в СССР — исследования поволжских историков и др.).

Второй день симпозиума, как уже говорилось, был посвящен проблеме миграций. Заметим при этом, что данная проблематика весьма важна для понимания существенных особенностей не только русской, но и финской истории. Не случайно в Турку уже несколько лет существует специальный институт по изучению миграционных процессов. Были прочитаны доклады А. А. Эйднтаса «Роль эмиграции из Литвы. 1868—1915 гг.», Р. Керо «Финская эмиграция в США», «Методологические проблемы исследования истории миграции в Финляндии», В. В. Лаппина «Воинская повинность и миграция населения России в XIX в.», Я. Е. Водарского «Миграционные процессы в России, Прибалтике и Финляндии в XVII — начале XX в.», П. Мякиля «Использование церковных источников при исследовании миграционного движения».

Среди перечисленных особенно выделялись доклады Я. Е. Водарского и Р. Керо. Добротное знание источников и соответствующей литературы сочеталось в них с четкостью методических идей. Я. Е. Водарский представил обстоятельный обзор причин развития миграций в разные периоды истории России, связь их с экономическими, социальными и политическими факторами. Он показал ложность распространенного в прошлом в России, а в наше время и в работах некоторых зарубежных историков психологического объяснения миграций («бродяжничество», свойственное загадочному русскому характеру), необоснованность преувеличения значения монастырей в истории

колонизации окраин и одновременно роль миграций в истории классовой борьбы в России, включая крестьянские войны XVII—XVIII вв.

Р. Керо остановился на анализе исторически менявшихся причин миграции из Финляндии в США, в частности на роли воинской повинности. Весьма содержательными были его анализ состояния источников, как финляндских, так и американских, оценка размеров незарегистрированной эмиграции через Швецию и значения реэмиграции, которая достигала 15—25% мигрантов.

Внимание участников симпозиума привлек также доклад В. В. Лапина, продемонстрировавший роль армии и воинской службы в развитии миграций, а также роль армии как экономического фактора, воздействовавшего на хозяйственные ситуации в некоторых губерниях России, особенно западных. Он коснулся также роли отставных солдат в миграционных процессах.

А. А. Эйдинтас построил свой доклад на документах, выявленных им в архивных хранилищах США. Он показал, как сложно переплеталась так называемая «трудовая миграция» с миграцией, обусловленной социальными и политическими причинами.

Следует отметить прекрасную организацию работы симпозиума. Здесь, несомненно, сыграла свою роль сложившаяся традиция предварительного ознакомления с материалами предстоящего симпозиума, ограниченное число участников, их открытая заинтересованность в обсуждавшихся проблемах и то внимание, которое проявляли учебные заведения и общественные организации Турку к проходившему симпозиуму.

В заключение двусторонней встречи состоялось обсуждение тем следующего, XI симпозиума, который намечен на 1990 г. в Вильнюсе. По обоюдному согласию приняты две темы: «Формирование национальной интеллигенции в Финляндии, Прибалтике и России» и «Производство сельскохозяйственных продуктов и торговля ими в восточной части Балтийского моря в XIX—XX вв.».

К. В. Чистов

III МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ КОМИТЕТА ПО ЭТНОГРАФИЧЕСКОМУ ИЗУЧЕНИЮ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА

С 5 по 10 апреля 1988 г. в г. Мишкольце (ВНР) состоялась очередная III Международная конференция Комитета по исследованию этнографического изображения при Международном обществе этнологии и фольклора Европы (МОЭФЕ). Конференция была проведена совместно с Отделом по исследованию визуальной культуры Музейного управления Боршодской области и Музеем имени Отто Германа.

Институт этнографии АН СССР с 1967 г. является коллективным членом Международного общества этнологии и фольклора Европы и принимает активное участие в его деятельности. Директор института Ю. В. Бромлей является вице-президентом МОЭФЕ и вместе с Л. М. Дробижевой входит в состав Бюро Административного совета МОЭФЕ.

В последнее время в отечественной и зарубежной этнологии значительно возрос интерес к относительно новым видам этнографических источников, в частности к иконографическим. Как правило, визуальный материал привлекался в качестве иллюстративного и рассматривался как предмет народного творчества. По этой причине исследовались немногие виды изобразительного искусства, а также узкий круг проблем. Совершенно новый подход к изучению иконографического материала был продемонстрирован на первой конференции, состоявшейся в 1984 г. в г. Лунд (Швеция); ее результаты были опубликованы в недавно вышедшем сборнике «Человек и изображение»¹. На этой конференции был поставлен вопрос об исследовании коммуникативной функции изобразительного материала: в таком понимании важен не столько анализ внешних достоинств «картинки», сколько степень ее воздействия на человеческое сознание и роль в жизни общества. Вторая конференция, которая состоялась в 1986 г. в г. Геттингене (ФРГ), уточнила сведения об истории, распространении, функциях и значении технических средств производства европейских народных картинок.

Основная тема третьей конференции — «Изобразительные традиции — народные традиции». Целью мероприятия было рассмотреть визуальную культуру крупной социальной группы — крестьянства. Особое внимание было обращено на традиционные познания, относящиеся к изображению и его применению. В понятие «этнографическое изображение» («картинка») были включены гравюры, книжные иллюстрации, скульптура, настенные росписи, фотোগрафия и т. д.

В работе конференции приняли участие 34 ученых из 14 стран Европы: ВНР, ГДР, НРБ, СРР, СССР, ЧССР, Австрии, Бельгии, Дании, Западного Берлина, Испании, Норвегии, ФРГ, Швеции. На церемонии открытия участников приветствовал президент МОЭФЕ, норвежский фольклорист Р. Квиделанд, который отметил регулярность созываемых международных мероприятий в рамках общества и связал это с успешным проведением II конгресса МОЭФЕ в 1982 г. (Суздаль).

¹ Man and Picture. Papers from the First International Symposium for Ethnological Picture Research in Lund 1984. Stockholm, 1986.